

J. R. Leffthander
Kira Maybon

ПИСЬМА В НЕБЕСА

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Kira Maybon
Письма в небеса

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Kira Maybon

Письма в небеса / Kira Maybon — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Смерть родных, а следом измена мужа, надломили Софию. Пытаясь начать жизнь заново, она принимает ухаживания Итана Кларка, не догадываясь, что Итан психопат с раздвоением личности. Как вырваться из его паучьих сетей и кто такой Мэтью Броуди, называющий себя путешественником во времени? Содержит нецензурную брань.

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ: «КЛАДОИСКАТЕЛЬ»	7
ГЛАВА ВТОРАЯ: «ЗАДОЛГО ДО...»	11
ГЛАВА ТРЕТЬЯ: «БАКСИ»	18
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ: «ФОТО НА ПАМЯТЬ»	24
ГЛАВА ПЯТАЯ: «ДЕНЬ БЛАГОДАРЕНИЯ»	28
ГЛАВА ШЕСТАЯ: «ЛОВУШКА»	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Пролог

Энн Райт

11.22.2015

Я видела её, ничего особенного. Тощая блондинка, с накачанными сиськами и плоским задом. Господи, как же больно! Я видела, что он пишет ей. Вчера он не закрыл свою страницу в Фэйсбук. Он зовёт её львицей. Господи, пусть мир обрушится! Мне не собрать свои осколки!

Он пишет, я толстая, а ведь когда-то говорил, что ему нравятся мои округлые бедра. Уверяет, что мы не спим. Жалкий обманщик. На прошлой неделе у нас был секс, подобие если честно. Минуты две дерганья, когда я изображала оргазм.

Я знаю, что они вместе с прошлой осени. Только не нужно рассказывать о том, что уважающая себя женщина должна сразу выставить неверного за дверь, я тебя умоляю! Легко говорить об этом, находясь по ту сторону экрана. Побудь в моей шкуре, почувствуй каково это – жить им. Вспоминать, как он приезжал вечерами, как дышал на мои замершие ладони. Он был мальчишкой. Влюблённым до одури мальчишкой, а что теперь?

Я снова и снова прокручиваю в голове то, как он берет её за руку и вою, как сбитая собака.

Я почувствовала, когда это началось. Разбитое зеркало, тяжесть в груди, его скомканный голос в трубке:

– Я задержусь, ужинай без меня.

Ужинай, завтракай, засыпай... молчи, когда от него несет её духами с нотками кошачьей мочи!

Он привозил её в наш дом. Я точно знаю. Я нашла под кроватью ее заколку. Он осквернил нашу спальню. Почему я так спокойно говорю об этом? Да у меня же выжжены внутренности! Я реву уже вторую неделю и от этого носогубные складки ещё более выражены.

Не говори мне о том, что у меня путаются мысли... Ты думаешь, я не пыталась за него бороться? Все чёртовы статьи в женских журналах НЕ РАБОТАЮТ! Ты пробовала заставить гоняться за мышью кота, жрущего только вискас? То-то же.

Нет, я не смирилась. Он сам сказал, что устал и ему нужен отдых. Собрал все свои трусы и рубашки... вон та чёрная унылая сумка в углу. Ты думаешь это просто сумка? Это то, что от меня осталось.

Спасибо что выслушала, Энн. Надеюсь, тебе хорошо на небесах.

За гранью смерти зримой.

«...Чтобы, оправдавшись Его благодатью, мы по упованию соделались наследниками вечной жизни» (Тит. 3:7).

Ни времени ни пространства не существовало для Энн, ибо там куда она ушла все едино – прошлое, будущее, и настоящее. возвращаться тем тяжелее, чем больше времени проходило с момента смерти, и многие души копили энергию, чтобы воплотиться в мире живых. Во сне или наяву оставить весточку для любимых – я здесь, только протяни руку.

Энн воплощения давались легче – её связь с Софией проложила незримый мост, но он рушился и Энн уже чувствовала, как зовут её Высшие – туда, где душа вновь рождается в мир, чтобы снова проживать жизнь, и наслаждаться ею.

– Никки... Пора. Пора.

– Не противься, Энн.

– Я не должна оставлять её.

– Не бойся, – сказал он, озаряя тёплым светом её душу – так бы они ощущали прикосновения. – Я знаю, что нужно делать.

ГЛАВА ПЕРВАЯ: «КЛАДОИСКАТЕЛЬ»

– А это что за громадина? – пробормотала Хлоя, задрав голову в попытке окинуть взглядом дугообразную арку из белого металла, по всей видимости, символизирующую лестницу к небесам, или торсионный шлейф ракеты, разобрать сложно.

«Марш Экспо, фундаментальное событие года! Заклад в будущее» – так гласила голограмма над входом в центральную часть концептуального триптиха.

– Марш не поспешил на спецэффекты.

– И не говори.

В арендованном под выставку павильоне было не протолкнуться, люди искусства, миллиардеры, политики, вездесущие журналисты и просто страждущие до сенсаций блоггеры – пестрая живая масса, хаотично перетекавшая по залу. Среди здешних лиц мы с Хло чувствовали себя не в своей тарелке. Хотя Дик, доставший два VIP пропуска, позаботился также и о наряде для Хлои, и она, словно чёрная пантера, притягивала взгляды привыкших к красоткам мужчин. Моя сестрёнка произвела на них ошеломляющее впечатление, и, черт возьми, я гордилась ею, даже чувствуя себя блеклой и серой на её фоне!

Ощупывая глазами монструозный экзоскелет в вычурных черно-желтых тонах, Хло приревновала.

– Интересно, оно и вправду работает?

– Конечно! Можете не сомневаться!

Я вздрогнула от неожиданного прикосновения. Кто-то легонько тронул за плечо, не успела я обернуться, как Хлоя вдруг взвизгнула и прижала трясущиеся руки к густо намазанному рту.

– Леди, надеюсь, я вас не напугал?

– Нет, что вы! – пискнула Хло, подлетев к Маршу.

– Хлоя Райт, а это моя сестра София.

– Очень приятно видеть вас здесь! – рассмеялся Джейсон, раскинув руки. – Прошу за мной! Надеюсь, вам будет интересно!

– В вашей компании вдвойне!

Хлоя расплылась в самой милой и приторной из своих улыбок и, толкнув меня в плечо, горячо прошептала в самое ухо.

– Джейсон Марш. Карен с подругами грохнуться в обморок, когда я выложу сэлфи в Фэйсбук!

Я лишь закатила глаза, и выдохнув, буркнула что-то вроде рядового «да, конечно, пойдём уже».

На первый взгляд Джейсон Марш казался человеком совершенно далеким от науки, скорее плэйбой миллиардер, нежели человек с несколькими учеными степенями в области квантовой физики и чего-то там. В двадцать лет Джейсон Марш собрал свой первый прототип плазменного реактора, а через год пустил его в эксплуатацию. Человек науки, вечно живущий на страницах «Форбс», почетный гость «Плэйбой» и «Таймс», человек, бросивший вызов всему миру в студии вечерних новостей со своим лозунгом – будущее наступило вчера.

Главный конкурент Tesla моторс, разработал собственную программу полетов в космос и обещал уже к две тысячи двадцать второму году Лунный туризм. И, кажется, Марш индастриз добились не малых успехов в запусках ракет с многотонными и жуткими названиями, наверняка Хлоя знает их все наизусть, она без ума от Марша.

– Это же икс девять! – взвизгнув, Хлоя едва ли не бегом бросилась к стенду с каким-то, наверняка высокотехнологичным и невероятно дорогим костюмом. Мне почему-то показало

лось, что сквозь прорези глазниц металлического шлема за нами следит какая-то потусторонняя сущность, и я поежилась, отгоняя глупые мысли.

– Признаться честно, я поражен вашим интересом, Хлоя Райт!

Джейсон хлопнул в ладоши и искренне улыбнулся, глядя на зад Хлои, согнувшейся перед скафандром.

– Умная, самовосстанавливающаяся материя, плазменный реактор последнего поколения, – бормотала скороговоркой Хло, судорожно тыча пальцем в экран смартфона.

– Сплав титан – золото, улучшенная аэродинамика по сравнению с предыдущей моделью, двигатель реактивной тяги, система генерации кислорода, старина Армстронг отдал бы душу за такой!

Марш приобнял Хлою для сэлфи на фоне футуристичного скафандра, и обращаясь ко мне произнес:

– Система фильтрации такая, что если, прошу прощения, пописать в этом костюме, а это именно костюм самообеспечения, а не полноценный скафандр, то жидкость на выходе можно пить.

– Это слова Тони Старка, – фыркнула я, но не смогла не улыбнуться.

– Дик будет жутко расстроен.

– Кто такой Дик? – картинно нахмурился Джейсон и помахал в камеру очередного фотографа.

– Её жених, – ответила я.

– Вы разбились мне сердце, София. Он физик?

– Физик? – рассмеялась Хлоя, – он повар! Владелец закусочный на Роад стрит.

– Вот как. Ни за что бы не угадал. Однако, чем занимаетесь вы, Хлоя, мне известно.

– Хлоя заканчивает медицинский колледж, – вмешалась я.

Джейсон расхохотался, он что-то прошептал на ухо Хлое, от чего та густо покраснела.

Их беседу прервала брюнетка в чёрном строгом костюме.

– Джейсон Марш? Я Диана Смит, главный редактор журнала «Научные открытия».

– Мы, кажется, уже встречались? – улыбнулся ей Марш – Вы, вероятно, заинтересованы моим новым изобретением?

Проведя по спине Хлои рукой, Марш подмигнул мне, и подхватив Диану под руку, повёл в центр зала.

– Какой красавчик, – вздохнула Хло.

– И ловелас, – добавила я, чувствуя себя злобной тетушкой.

Спустя несколько часов после выставки мы сидим в закусочной Дика.

Я как загнанная лань. Хлоя отбрасывает со лба рыжую прядь и смотрит на меня пронзительными серыми глазами.

– Так нельзя, Софи. Сколько ты одна? С тех пор, как этот придурок сбежал ты никому не позволила ущипнуть себя за задницу.

Я вскидываю руки, намереваясь напомнить, что мы встретились не для того, чтобы обсуждать неприкосновенность моей задницы, но Хлоя перебивает меня:

– По субботам к нам приходит весьма симпатичный парень, я могу познакомить вас.

– О нет! – Почему-то её предложение кажется мне непристойным.

– Он не из тех, кто ходит сюда клеить женщин, Софи. И я ни разу не видела его с выпивкой.

– Тогда почему ты решила, что он вообще нуждается в женщине?

Она хихикнула и сделала глоток отвратительного пойла, которым здесь называли кофе.

– У него глаза кладоискателя.

Я хмыкнула и закрыла лицо рукой. Такие выражения вполне в духе Хло. Хлоя моя младшая сестра. Из двадцати пяти лет своей жизни два она уже потратила на членство в секте «найти-парня-Софии» и, кажется, не собирается останавливаться.

Хлоя вновь отхлебнула и закашлялась.

– Это он, – прохрипела она.

Я проследила за направлением её взгляда.

Он стоял посреди зала, растерянно озираясь в поисках свободного места. И тут Хлоя (черт бы её побрал) помахала ему. Он вопросительно ткнул себя пальцем в грудь и после кивка направился за наш столик. А Хло моментально поплатилась за свою опрометчивость – я боднула её под столом. Тем временем кладоискатель отодвинул свободный стул.

– Добрый вечер, леди. – Он улыбнулся, и я отметила, что улыбка ему идёт. Этан, а именно так его звали, был невысоким, крепко сложенным блондином. Лицо его было каким-то смазанным, не запоминающимся, точно не резкое фото, подбородок трясся как желе. Но глаза... да, Хлоя была права, когда говорила о его глазах. Я не знаю, какие глаза бывают у кладоискателей, но взгляд его сводил на нет все впечатления от незамысловатой внешности. Это был взгляд человека-факела, горящего единой идеей, и признаюсь, этим он зацепил меня.

– Ты замужем?

– Разведена, – внимательно смотрю на него, слава Богу, никаких сочувствующих гримас, его лицо точно озаряется внутренним светом.

Хлоя резко вскакивает, едва не опрокинув стул. Блеет что-то о важной встрече, маленькая лгунья. Я-то знаю – нет у неё никакой запланированной встречи. И незапланированной тоже нет. Мы с Хлоей редко видимся, наши посиделки затягиваются до ночи, поэтому для встреч мы всегда выбираем абсолютно свободные дни. Я стреляю в неё глазами, но она уже нацепила на лицо одну из своих невинных улыбок и сжала ручку сумки. Она неугомонная. Я бы рассмеялась, глядя на эту ситуацию со стороны, но я не в стороне, я уже погрязла по щиколотки. Тем временем Итан словно не замечает ухода моей сестры, он впитывает глазами моё лицо, отчего меня передергивает. Я отвыкла от столь пристального внимания.

– Сколько тебе лет?

– Тридцать два, – отвечаю машинально, но чувствую себя, как на допросе.

Он расслабился, откинулся на спинку стула, слегка барабанил пальцами по столу, не скрывая какого-то безумного восторга. Я чувствую, как вгрузаю по пояс.

– Кем ты работаешь?

Он ухмыляется, накрывает мою ладонь своей и говорит, глядя в глаза, громко и отчётливо, с придыханием:

– Когда-нибудь я отрежу твои сиськи.

Меня парализует, буквально на долю секунды я теряюсь, отдергиваю руку. Подозреваю, что на моем лице сейчас читается весь ураган эмоций...

Он невозмутим.

– Что-то не так? – И пока я ловлю ртом воздух, как выброшенная на берег рыба, произносит: – Я спросил тебя, не хочешь ли выпить виски, а ты побелела так, словно увидела мертвеца. Если для тебя неприемлем алкоголь, я... прости, – он снова берет мою руку в свою ладонь, и я чувствую, как бешеный бег сердца останавливается. Послышится же такое! Послышалось ли? Теперь эта мысль не даёт мне покоя, но я уже точно решила – пора рвать когти. Кладоискатель не мой типаж. Вот только стоит ли уходить сейчас? Мне почему-то кажется, ему это не понравится. Вокруг людно, старый бар гудит как улей, пожалуй, проститься с ним сейчас будет весьма безопасно...

Итан выглядит обеспокоенным.

– Ради Бога, Софи, скажи, что произошло? Ты плохо себя чувствуешь? Мой друг врач, прекрасный врач, я могу позвонить ему...

Медленно прихожу в себя, лицо пылает, в голове ещё стучат отбойные молотки. Хлоя права, я стала осторожной и тороплюсь навесить на мужчин ярлыки: изменщик, бабник, халявщик, извращенец... все увиденное и услышанное я свожу к этим самым ярлыкам, защитная реакция, как сказал бы мой психотерапевт. Позволяю Итану взять себя под локоть и вывести на улицу, он что-то бубнит о пользе свежего воздуха, а я хочу только поскорее забраться в тёплый салон авто и катиться в сторону Статен-Айленд. Итан ведёт себя как джентльмен. В отличие от моих опасений, он не напрашивается ко мне домой, просто ловит такси, и суёт шоферу некую сумму. Я открываю дверцу и он смотрит на меня глазами бассета.

– Софи, я могу позвонить тебе?

Я снисходительно улыбаюсь и протягиваю ему визитку

ГЛАВА ВТОРАЯ: «ЗАДОЛГО ДО...»

Задолго до...

Ноябрь 1930

"Вставай, Мэт, я знаю, что ты сильнее, чем кажешься. "

Голос Тары заставил меня сцепить зубы и оторвать чугунную голову от земли. Их трое, точнее один, всего один задавака, герой. Вот он, стоит надо мной, победитель. А его дружки ослы ржут поодаль. Хочешь быть самым крутым парнем в школе? Найди и побей самого крутого, займи его место. по одиночке никто не стоит и ломаного гроша.

– Ну что, Броуди? Мало тебе? Хочешь еще?

Слышу над головой уничижительный, процеженный сквозь зубы, точно фарш через мясорубку, голос. Чарли, кажется, так зовут этого парня. Большой Чарли, для друзей Старик, для тех, кто помладше – Костолом. На прошлой неделе Костолом расквасил нос моему другу Томасу Говарду.

Сегодня участь боксёрской группы должна была достаться Никку Роджерсу. Ботаник, что с него взять. Однако я не стал стоять в стороне.

«бей первым», «пока ты боишься – ты слаб», и ещё «не окучивай заморышей, Мэтью.» – так говаривал мой отец, до того как спился.

Заморышу Роджерсу доставалось, пожалуй, даже чаще чем остальным. Мы вместе учились, иногда я ходил на рыбалку с ним и его отцом. Я никогда не стеснялся этой дружбы. Ник был удивительным малым. Он мог с легкостью решить любую задачку, а учитель физики, мистер Лоусон порой закатывал глаза, глядя на исписанные формулами и всевозможными постулатами тетради Ника. Он искренне считал, что у него большое будущее.

Ник никогда не отказывал в помощи. Саманта Кук сносно училась только благодаря усердиям Ника Роджерса. А тот без зазрений совести делал за нее домашнюю работу, и решал математические задачи, и таскался за не, как приклеенный.

Сэмми, как он сам ее называл, была абсолютной дурой, что не мешало ей пользоваться его благосклонностью до тех пор пока Бобби Браун не обратил на неё внимание.

– Эй, Мэт, хочешь, кое-что покажу?

Я вдруг вспомнил как Бобби, научил меня одному фокусу, по его собственным словам, почерпнутым из неудавшейся боксерской карьеры старшего брата.

– Согнись, напряги бедра, и резко выпрямись, твое тело черпает энергию из земли, оно все сделает за тебя. – Бобби отшвырнул недокуренную сигарету, резко присел и тут же выпрямился струной, сделав едва заметный шагок в мою сторону, его кулак пролетел в каких-то сантиметрах от моего носа.

– Это называется апперкот, приятель! Теперь попробуй сам! Когда-нибудь благодаря этой фишке ты свалишь быка, который до тебя докопается. И запомни, чем меньше расстояние между тобой и плохишом – тем лучше.

Я запомнил, и не редко тренировался на заброшенной ткацкой фабрике, один или с другими мальчишками. Я отрабатывал разящий удар, раз за разом сшибая с ног вымышленных врагов...

– Эй, Броуди, ты чего нюни развел? – он склонился надо мной дёрнул меня за шиворот. – хочешь к мамочке?

Он нависал надо мною коршуном, и при моей попытке подняться отвесил ещё одну оплеуху.

Я хватил его по носу, вскочил на ноги и прежде чем он моргнул от удивления мой кулак подобно кузнечному молоту врезался ему в подбородок. Голова, набитый пухом мешок, дернулась назад, и Костолом грохнулся на землю.

Я не знал должен ли был подставить вторую щеку, но мой противник, мучитель всех заморышей школы, лежал передо мной поверженным. Мешок с костями, глухой до мира, как будто и вовсе умер.

Хоть про таких как Старик Чарли и говорят – одной пули мало, я вдруг ясно осознал, за моим сокрушительным ударом не последует еще более ужасающий удар Костолома. На этом все и закончилось. Под улюлюканье воспрявшего духом Ника я видел, как дружки подхватывают Чарли под руки и тащат прочь, горланя что-то вроде «Ничего еще не кончено Брудди!». Но все мы знали – Костолом Чарли пройденный этап, никто из его шайки больше не сунется, ни ко мне, ни к Нику Роджерсу, ни к кому бы то ни было из нашей компании.

Воспоминания всплывали в памяти, пока я брел по глухой аллее в сторону заброшенной фабрики, где раньше хранили соль. Теперь местное управление отстроило доки на другой стороне залива. Склад пустовал недолго, его выкупил какой-то богач, и сдавал в аренду Нику Роджерсу. После школы Ник пошел по стопам матери, стал заниматься наукой, да так усердно, что к двадцати с небольшим уже имел значительные успехи в области прикладной физики и электромеханики. Чем он занимался в том сарае, я не знал, однако вчера от одного из завсегдатаев бара «У Мо» я услышал о взрыве в старых доках, а после во всем районе вырубил электричество.

– И над заливом вознеслось голубое пламя, и грянул гром! – Именно так сказал старик Луис, отчаянно размахивая руками, словно ветряная мельница, пытающаяся пожать всех, кто находился рядом. Покачиваясь от выпитого, под общий гогот публики, он набрал в рот воздуха и издал громкое «БУХ!».

В утренней статье Нью Йоркского Вестника я прочёл о возгорание, которое Нику удалось погасить самостоятельно, ученый жив– здоров, но всем наработкам горе-испытателя пришел конец. Ник сообщил, что это не тревожит его, он все восстановит по памяти.

Но я решил проведать его по другой причине. Я не мог больше оставаться в доме. Тара умерла, отца больше нет, никто теперь не крикнет из холла, чтобы Мэт обязательно вымыл руки прежде чем хватать свежую выпечку с корзинки на столе. Никто больше не будет любовно дуть на мои израненные кулаки. В доме остался я и пауки, плетущие кружева по углам.

Еще на подходе к фабрике я почувствовал едкий запах жженой проводки, перебить который не мог даже ветер с привкусом соли. Над ржавой крышей промышленного здания поднимался густой белый дым, по всей видимости Ник здорово поэкспериментировал. От общих друзей я был наслышан о рвении Роджерса постичь знания, лежащие за гранью человеческого понимания. Ник стал затворником, и компанию ему составляли лишь труды таких же повернутых. То, что Ник спит по два часа в сутки и пьет кофе литрами ни для кого не секрет. А истории о загадочных вспышках в небе и постоянных перебоях в электроснабжении и огнях Святого Эльма, появляющихся внезапно посреди ночи на шпиле церкви в полуквартале от резиденции Ника Роджерса, вскоре обросли небылицами и превратились в страшилки о сумасшедшем ученом.

**

Судя по грохоту за стенами коробки, оставшейся от старой фабрики, и громкой ругани я понял – мой друг здесь. Прощмыгнув под обугленной балкой, дамочловым мечом нависшей над входом, я легонько толкнул дверь в святая святых инженера-испытателя. Я сразу увидел Ника, корпящего над стопкой бумаг. Он гордо восседал на груди кирпичей и что-то бормотал, вчитываясь в мятые обгоревшие дочерна листы. Масштаб трагедии поражал воображение. В

крыше склада зияла огромная дыра, словно прожженная великанской сигарой, а большая часть западной стены, той, что выходила на залив, отсутствовала вовсе. Ник поправил это по своему – залатал дыру кирпичами. Повсюду валялись кучи мусора, обгоревшие доски, пластик, резиновыми кишками по земле змеились шланги и толстые кабели проводов.

– Мэтью! – закричал Ник с другого конца разрушенной лаборатории.

Он живо спрыгнул на землю, запнулся обо что-то и едва не расшиб голову о торчащий из кирпича кусок железной рельсы. Чертыхнулся, отбросил в сторону свой талмуд и засеменял ко мне.

– Будь так любезен, закрой дверь с другой стороны!

Не успел я ничего сообразить, как Ник прошмыгнул мимо меня к выходу, на бегу бросив:

– Ах, дружище, ты же не в курсе...

Он выломал доску рядом с чудом уцелевшей дверью, просунула руку наружу, долго шарил там, в поисках.

– Подожди, сейчас! – прокричал Ник, дернул за какой-то трос, снаружи что-то грохнуло, и я понял, хитроумный механизм установил на дверь здоровенную щеколду.

– Это для общей безопасности, мой друг, меньше лишних глаз.

Я хотел было сказать, что из-за этого механизма в критический момент можно оказаться в ловушке, но не стал, наверняка Ник предусмотрел и это.

– Привет дружище!

Разведя руки словно Иисус перед своими учениками, Ник сгреб меня в охапку, если это слово можно применить по отношению к щуплому очкарику, ростом едва ли выше двенадцатилетнего ребенка.

– Как я рад тебя видеть, Мэтью!

Я похлопал друга по плечу и лишь впервые за долгое время почувствовал, как отлегло от сердца.

Ник задумчиво поскреб щетину на подбородке, постоял секунду, прикидывая что-то в уме, а после рывком снял запыленные очки и принялся тереть окуляры грязным рукавом, не прекращая бормотать какие-то формулы. Я же молча стоял рядом, разглядывая разруху, учиненную светилом прошлой ночью.

– Ник, что здесь произошло?

– Ах да! – снова просветлел он, хлопнул меня по плечу, и ринулся штурмовать баррикаду битого кирпича. – Ты кофе будешь? Прости, я совсем позабыл о гостеприимстве!

Я не смог сдержать улыбку. Когда Ник Роджерс чем-то увлечен он становится почти что ребенком, хоть ему недавно исполнилось тридцать четыре.

Из-за преграды показалась вихрастая голова друга с двумя длинными колбами.

– Прости, друг, мой столовый набор улетел к черту, вот так, напрямик в ад!

Он рассмеялся так беззаботно, словно ничего и не случилось. И, кажется, я уже догадывался, в чем тут дело. Если Ник ведет себя так, значит вчера ночью великий и ужасный громовержец достиг таких успехов, что даже лежащая в руинах лаборатория его несколько не огорчает. Свершилось нечто воистину гениальное!

Роджерс вернулся, протянул мне дымящуюся колбу с кофе и отсалютовал.

– За встречу!

Я отхлебнул и только сейчас заметил, как дергается левое веко моего друга.

Разом осушив свою пробирку, Ник отбросил ее в грудку ненужного хлама и принялся копаться в мусоре.

– Мэтью, мне нужно столько тебе рассказать! Я так рад, что ты пришел!

– Помочь? – Усмехнулся я, поднимая одной рукой ржавую рельсу, из под которой Ник выдернул какой-то металлический ящик грязно-серого цвета.

– Да, спасибо! Где же он? – бормотал друг, пытаясь выколотить из ящика остатки железной души.

Не обнаружив ничего стоящего, отшвырнул жестянку, и хлопнув в ладоши, расплылся в самой довольной своей улыбке.

– Получилось! У меня получилось!

– Удачный эксперимент? Не боишься, что владелец выставит счёт? Вчера ты половину города обесточил. – Рассмеялся я, аккуратно устанавливая кофейную колбу в трещину бетонного блока, неподъемной плитой лежащего на всех достижениях Ника.

– Удачный? Ну, не то чтобы завершённый, но да, Мэт! Можно сказать удачный!

– Как же лаборатория?

Друг полетел ко мне, схватил за плечи.

– Мэтью! Это не главное! Я на пороге величайшего открытия!

– Поделишься?

Он отошел, шмыгнул носом и выудил из рухляди грязный лист Вестника за прошлую среду.

– Ага, пойдет!

Я с интересом наблюдал за ним.

– Мэт, смотри, внимательно. Видишь эту газету?

– Вижу, – пробормотал я, чувствуя себя совершенным идиотом.

– Представь что это воздух, весь что есть! Этот лист – материя!

– Это Вестник, умник, – попытался пошутить я, но Ник лишь махнул рукой.

– Скажи мне, Мэт, каким будет кратчайшее расстояние между В и К?

– Прямая линия, – не задумываясь ответил я, понимая, что скорее всего ошибусь.

– Неверно! – Ник сжал листок двумя пальцами и проткнул его карандашом, таким образом соединив первую и последнюю буквы заголовка газеты.

– Кратчайший путь равен нулю!

– То есть?

– Простейшая арифметика.

– Объясни языком домохозяйек, я не совсем тебя понимаю, – пробормотал я, глядя на карандаш в руках друга.

– Представь, что этот лист и есть пространство и время, и что при должном знании и умении можно создать такой туннель, через который ты в мгновение ока окажешься в Мэне. Точка А здесь, а точка Б может быть где угодно, хоть на Луне, хоть на Марсе! И... – Ник поднял над головой карандаш, выждал паузу и прошептал, – И когда угодно!

– Ты хочешь сказать, что можно путешествовать во времени?

– Да, мой друг! Да! И вчера я это сделал!

Ник светился от счастья, я догадывался, как его разрывает изнутри желание поскорее мне все объяснить .

– Разве такое возможно?

– Скажи, сколько примерно времени займет поход в кафе Мисти Пэйдж?

Я прикинул в уме расстояние:

– Минут двадцать, если идти быстрым шагом.

– А на машине?

– Не знаю, минут семь.

– Именно! – закричал Ник, и чуть ли не пустился в пляс. Я едва успел подхватить его под локоть, прежде чем он распластался бы на полу, запнувшись об толстенный кабель, хищной змеей спящий у ног.

– Именно Мэтью! Ты понимаешь, к чему я?

– Не очень, если честно!

– Ах, ты всегда прогуливал физику с Дейзи Джонсон!

Я покраснел, я не вспоминал Дейзи с выпускного.

– Время, Мэтью! Время и пространство! Все это связано! Понимаешь? Если ты отправишься за булочками к Пэйдж на машине, время для тебя замедлится, чем быстрее ты будешь двигаться...

– Тем меньше времени пройдет, да, да, я понял.

Ник замер, прислушиваясь к уличной трескотне за стенами пакгауза.

– А что, если ты будешь ехать со скоростью, примерно равной скорости света?

– Очевидно, я разобьюсь.

Он засмеялся, точно мы говорили совсем о иных, простецких вещах, никак не связанных с чудовищным взрывом вчерашней ночью.

– Нет, Мэтью, время для тебя пойдёт гораздо быстрее, чем, скажем для меня, стоящего здесь. А если со скоростью света? – он прикинул в уме, цокнул языком и глядя на меня как на совершенного профана, заговорщически прошептал: – А это сто восемьдесят тысяч миль с небольшим. В секунду! В этом случае время по отношению к тебе остановится. И если ты будешь ехать со скоростью света год, за пределами автомобиля пройдет примерно шесть лет! Шесть лет, Мэтью! И если ты зайдешь к Карен в Вестник, то она даст тебе свеженький выпуск тысяча девятьсот тридцать шестого года! Хотя для тебя пройдет всего лишь один единственный год.

Я сел на чудом уцелевший стол, чувствуя, что дальше будет нечто еще более удивительное и едва ли я смогу устоять на ногах.

– Ты понимаешь? – спросил Ник, отряхивая халат. Он стоял передо мной и пытливо смотрел мне в глаза. Обычно так смотрят на полного идиота, который не понимает разницы между Божьим даром и яичницей.

– А если я буду двигаться быстрее скорости света, то попаду в прошлое?

– Ах, оставьте ваш юношеский максимализм, молодой человек! – расхохотался Ник, – Попасть в прошлое невозможно, по крайней мере отсюда, из нашего времени. У нас нет таких технологий, пока нет.

– Только не говори, что ты создаешь устройство, способное разогнать меня до той скорости, которая позволит завалиться в редакцию к Карен, и обзавестись Вестником за тридцать шестой год?

– Уже создал! Я смог зациклить время внутри контура таким образом, что всего лишь за долю секунды оказался в настолько невообразимо далеком будущем, что тебе и не снилось.

Я кивнул, чувствуя, что еще немного и моя голова треснет, как орех под ударом молотка.

Ник щелкнул пальцами тыча ногтем указательного мне в грудь.

– Именно так! Я создал устройство, способное перенести тебя, скажем, на век вперед...

– И что же ты видел? Ну, там в будущем?

– О, Мэтью!

Ник разом сделался серьезным и закачал головой как китайский болванчик.

– Ужасные вещи, жуткие, не поддающиеся объяснению вещи! Но я не хочу говорить об этом. Я даже сомневаюсь сейчас, не нарушил ли я чего, заглянув в такую даль.

– Будущее безнадежно?

Вместо того чтобы ответить, Ник сложил руки на груди, и молчал минуту, или около того.

– Мэтью, грядут страшные времена, невообразимо ужасные события произойдут совсем скоро, но потом... Мир изменится. Мир станет другим...

Я смотрел на друга и не верил свои глазам. Ботаник, которому частенько доставалось в школе, не сдался на полпути и достиг невероятного! Собрал волю в кулак и продолжал идти к своей цели. И пришел.

Если Ник не преувеличивал, и у него действительно получилось нечто невозможное, я даже представить не мог, какие эмоции переполняли, переполняют моего друга.

«Как тебе такое, Сэмми?» – подумал я, пытаюсь воссоздать в памяти дурнушку Родд.

Парень, которого ты так жестоко отшила, совершил такое, чего ты и понять-то не в состоянии.

– Мэт, – тишину нарушил взывающий голос Ника.

Он весь сжался, словно кто-то невидимый высыпал ему за шиворот ведро снега. Я напрягся, пытаюсь понять перемену в настроении друга.

– Мэтью, я рад, что ты пришел сюда не только потому, что мы давно не виделись.

Замявшись, он вдруг развернулся на пятках и бросился куда-то вглубь ангара, на ходу призывая следовать за ним.

– Мэтью, я должен тебе кое-что рассказать.

Ник посмотрел на меня так серьезно, точно замышлял ограбить банк и диктовал свой план совершенному новичку, которому не доверил бы и свой ночной горшок вынести.

– Мэт, когда я только начинал работать над этой штукой, когда еще и знать не знал, к чему это приведет... – он тяжело вздохнул, – Ко мне пришли люди Джона Марша.

– Джона Марша? – Тупо повторил я.

– Да, Мэт, Джона Марша, зарегистрировавшего патент на модернизацию электродвигателя закрытого типа.

– Это же прекрасно! – воскликнул я. – Марш гений.

– Да! – Убитым тоном протянул Роджерс. – К сожалению, у нас произошли некоторые разногласия. Теперь он работает на правительство, создает новое оружие. О, Мэтью, у него есть деньги, есть связи, есть возможности, коих нет у меня! Но я его обогнал, утер поганцу нос! – Ник хлопнул в ладоши перед моим лицом. – Прибил как муху! Вот так!

– Дай-ка догадаюсь, – я пристально взгляделся в мутные блики на линзах очков Ника. Показалось или в отрезке неба, виднеющегося сквозь дыру в крыше, что-то большое шмыгнуло в тень? – Джон хочет, чтобы ты работал на него?

– Да! – зашептал горе-испытатель, вцепившись руками в стальную решетку в полу. – Помоги!

Я подтянул чудом уцелевшую решетку так, чтобы Ник мог пролезть в узкую щель по пояс и тихо произнес:

– Но он не знает о твоём новом изобретении?

– Нет, – шикнул Ник, выуживая из ямы слива жестяной ящик. – Не знает, и я не хочу, чтобы узнал! Ты хоть понимаешь, что будет, если Марш догадается? Он захочет присвоить все себе!

– Ты должен зарегистрировать патент...

– Какой патент, Мэтью! Едва я попрусь в палату, они получают доступ к чертежам! Нельзя допустить, чтобы разработки попали в руки к этому злодею! Марш продан с потрохами Дядюшке Сэму! Только подумай, что произойдет, попади к ним моё устройство! – Он подал мне тяжеленный ящик.

– Что здесь?

– Только не открывай!

Спохватившись Ник придавил крышку ладонями.

– Не сейчас, Мэтью, не здесь. Всеу свое время.

Ник споткнулся об мой взгляд, потупился и тяжело вздохнув, прошептал:

– Мэтью, здесь все мои наработки, абсолютно все чертежи устройства, и заметки о том, что следует знать путешественнику во времени.

– Почему ты решил отдать все мне?

– Я думаю, за мной следят. Боюсь, Марш не оставит меня в покое. – Ник постучал себя пальцем по лбу. – Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться.

Я кивнул и поставил ящик на пол, при этом внутри что-то звякнуло.

– Храни его, пока Марш не потеряет ко мне интерес.

Когда я переступил порог, Ник окликнул меня:

– Эй, Мэт, будь осторожен! Под крышкой растяжка!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ: «БАКСИ»

– Итан пригласил меня на свидание. – сказала я, нарезаая огурец тонкими прозрачными кольцами.

– Наконец-то! – вскричала Хло так, что я едва не выронила трубку. – Ты должна пойти!

– Я собираюсь отказать ему.

– Ты старая калоша, Софи. Сходи развейся. Энн бы сходила.

Я рубанула ножом по ни в чем неповинному овощу, и взвыла от боли – нож вошёл в палец, словно в масло.

– Твою мать, Хлоя!

– Что такое, Софи? – вскинулась она. – Пора уже произносить её имя вслух. Ты превратилась в затворницу!

– Вы никогда не были близки. – Упрекнула я, омывая под холодной струёй окровавленный палец.

– Неправда! Мне тоже больно, Софи, но я продолжаю жить.

Я почувствовала укол совести, но не собиралась сдаваться.

– У тебя есть Дик.

– А что мешает тебе, София?

Я закрыла глаза и потеряла висок. Не говорить же ей, что даже не помню, когда в последний раз красила ресницы. После измены Макса я перестала ощущать свою привлекательность и в присутствии мужчины чувствую себя... второсортной.

– Хорошо, я пойду. – Сдалась я. – Можно надеть твоё платье?

**

Платье Хлои, которое я одалживала для похода на выставку, сидело на мне не идеально, но намного лучше, чем любое моё. После развода я похудела на семь килограмм, а до обновления гардероба так и не дошло.

«И все же, – думала я, выбрасывая просроченную косметику из розового сундука, – кое что все ещё пригодно.» Красилась на скорую руку – если так можно было назвать получасовую возню у зеркала – теми продуктами, которые пережили косметическую зачистку. Макияж получился почти прозрачным и очень естественным.

Тушь пришлось выбросить, я лишь слегка подвела веки тенями.

Мне нравился цвет моих глаз, не «глубокий синий» и не «небесно-голубой», как описывают в книгах, скорее «холодный серый».

«От твоего взгляда мороз по коже» – говорил Макс.

**

Пока я ждала Итана у эскалатора (он пришёл минута в минуту, я – раньше), я чувствовала на себе взгляды проходящих мимо мужчин и съёживалась, и переминалась с ноги на ногу. Мне казалось, что все они смотрят на меня, как на витрину «sale» и видят брак.

– Софи, – окликнул меня Итан. Он подошёл ближе и скользнул плотоядным взглядом по открытой шее – волосы я собрала в узел, оставив лишь несколько небрежно «выбившихся прядей».

– Ты очаровательна.

– Спасибо.

Итан привёл меня в кофейню, и усадил за столик у панорамного окна; не поинтересовавшись чего бы мне хотелось, заказал два кофе.

Он отхлебнул из картонного стаканчика, уставился на меня, обхватил себя руками за плечи, и раскачиваясь со стороны в сторону, стал напевать:

«Take it, take it
Baby, baby
Take it, take it
Love me, love me¹»

Худшего свидания у меня ещё не было. После кафе Итан потащил меня в парк, и всю прогулку говорил о необходимости сексуального голода – «воздерживания». А в конце вечера попытался поцеловать меня, и очень обиделся, когда я вежливо отстранилась.

– Софи, – сказал Итан, проводив меня до стоянки. – Я вёл себя как придурок?

Я попыталась подобрать слова, чтобы объяснить почему мы больше не должны видеться, но его плечи вдруг затряслись, подбородок задрожал, словно он изо всех сил сдерживал какой-то порыв, и он сказал:

– Прости. У меня давно никого не было. Я перенервничал.

Я ничего не ответила по этому поводу. Попрошлась и завела машину.

По пути домой я думала о странностях, которые присущи Итану, и тем не менее я не могла отшить его, боялась ранить чувства, как Макс ранил мои.

Этот страх втянул меня в странные отношения – иногда я виделась с Итаном, выслушивала жалобы, рассуждения о пользе «воздерживания» и умерщвления плоти.

Между нами никогда не было близости, не только интимной, но и простых поцелуев. И я ничего не чувствовала к нему, кроме повинности.

Мне почему-то казалось, что Итан на грани депрессии и я рискую подтолкнуть его к опасному краю.

Мой октябрь был вовсе не таким, как его описывают в женских романах. Никаких жёлтых, медленно опадающих, листьев, никаких смеющихся солнечных лучей, никаких запахов кофе с корицей.

Мой октябрь был квинтэссенцией ранних подъёмов, сломанной машины, сумасшедших клиентов и парочки тухлых свиданий с Итаном Кларком. С Итаном Кларком, который оказался пресным, как рыба. С Итаном Кларком, который доставал меня звонками и давил на чувство жалости. С Итаном Кларком, который с плямканьем облизывал свои бескровные губы, плясь мне в декольте. С парнем, который не подходил мне ни по одному из пунктов.

Возможно, он был неплохим человеком. Мне это неизвестно. Все попытки узнать Итана получше сводились к бесконечным рассказам о его бывшей, из которых я поняла, что Эмма меркантильная тварь.

Я захлопнула ноутбук и взглянула на настенные часы, подарок моей драгоценной Энн, скончавшейся в прошлом году от неоперабельного рака.

До встречи с Итаном оставалось пятнадцать минут. Я уже решила, что это будет последняя встреча и перебирала варианты бегства, такие как «давай останемся друзьями» и «дело не в тебе».

Когда его «додж неон» припарковался у моего дома я услышала три условных сигнала, накинула куртку и вышла. Густой молочный туман окутал меня осенней сыростью.

¹ (... Возьми меня, возьми меня, Малыш, малыш, Возьми меня, возьми меня, Люби меня, люби меня...) Rude boy – Rihanna

Итан стоял у машины и как мне показалось был напряжен. Я никогда не видела у него такого выражения лица. Холодная ярость, слепая решительность.

– Садись в машину.

Как обычно, я сажусь на переднее сиденье и пристегиваюсь. Замечаю, что салон после чистки. Вместо привычного запаха сигарет ощущаю аромат клубники. Так и есть – на зеркале болтается дешёвый ароматизатор-елочка. Открываю бардачок, чтобы убрать перчатки и тут же захлопываю обратно. Бархатная коробочка никак не вписывается в мои планы.

– О Боже, – шепчу самой себе – он же не собирается сделать мне предложение?

Тем временем Итан обходит машину, садится на водительское место и трогается. Скулы его играют.

Мы выезжаем за пределы города, он жмёт на газ. По моей спине бежит холодок. Не дури, говорю себе, ты же не боишься Итана?

– Куда мы едем?

Он только зло сверкает глазами в мою сторону, руки судорожно сжимают руль. Чувствую, как внутри расплзается страх, ладони потеют, и я стараюсь улыбнуться. Улыбка получается столь вымученной, что он наверняка это заметил.

Машина с ревом взлетает по склону вверх, а солнце уже задевает край горизонта, взвизг тормозов; от удара головой об торпеду автомобиля меня спасает только ремень безопасности. Самым спокойным из голосов спрашиваю зачем он привёз меня на этот жуткий пустырь, но Итан пропускает вопрос мимо ушей и выходит, громко хлопнув дверью. Вижу в зеркале заднего вида, как он копошится в багажнике. Меня мутит от нехорошего предчувствия, но я стараюсь не поддаваться панике. Выхожу следом.

– Итан?

Итан сидит в позе эмбриона и... всхлипывает. У его ног валяются две лопаты. Он схватывается, его нижняя губа трясётся. Никогда не видела зрелища более отталкивающего. Одним прыжком он преодолевает расстояние между нами, хватая меня за волосы и шипит:

– Я знаю что ты задумала. Хочешь бросить меня? Послать ко всем чертям, так?

Я в отчаянии мотаю головой.

– нет, – улыбается он и меня прошибает током – он сумасшедший. Вот что я видела в его глазах – безумие, а вовсе не огонь.

– Я расскажу тебе историю. Ты любишь истории? – он подбирает лопаты с земли как раз в тот момент, когда я прикидываю смогу ли, вооружившись одной из них, оглушить его.

Его цепкие пальцы хватают меня за запястье.

– пойдём.

.Я стараюсь не отставать но он тащит меня за собой со скоростью взмыленного жеребца.

– Вот, – он Тычет пальцем на поросший мхом камень. – когда мне было десять мой отец купил мне щенка. Он сказал мне: « Я хочу, чтобы у тебя был друг, которого ты будешь любить». И я любил. Я кормил его, гулял с ним, убирал за поганцем дерьмо... мой отец любил выпить, и когда он набирался, мы с Бакси сбегали; напившись, отец нередко поколачивал меня. Мы часто прятались с Бакси здесь, на этом самом пустыре, в хижине, которую я соорудил из ненужных досок. Мне было хорошо с ним, Бакси был единственным существом, любившим меня. По крайней мере я так думал. Но однажды Бакси сбежал. О-о-о.. Я не находил себе места, несколько дней я бродил окрестностями и звал его... он нашёлся недалеко от дома, знаешь что он делал, а? – Итан дёрнул меня за руку с такой силой, что я вскрикнула от боли. – Он трахал соседскую овчарку. Он убежал от меня, своего любящего хозяина, чтобы трахать суку! – Эти слова Итан буквально проорал мне в ухо. – И тогда я схватил камень и стал бить Бакси по голове пока его мозги не вытекли. О, Софи, он был удивительным псом. Ты хочешь увидеть его, хочешь?

Вспоминаю мистера Вильямса из театрального кружка. Ты прирождённая актриса, Софи, говорил он. Я вздрагиваю, словно от приснившегося кошмара, и сжимаясь от омерзения медленно беру Итана за руки.

– Нет, Итан, он нам не нужен. Только ты и я. – мой голос абсолютно чужой . Когда я говорю искренне, в голосе не звучит приторно слащавая нотка, но на Итана мои слова производят впечатление. Он впивается в моё лицо водянистыми глазами. Я лепечу что-то о том какой он удивительный, чувственный, непохожий на других мужчин. Кажется, он доволен.

Долбаный псих.

– Мне показалось ты хочешь меня бросить? – говорит он, растягивая слова. Надо быть осторожней, не терять бдительность.

Кошу под дуру.

– Итан, как ты мог об этом подумать?

Он вырывается, как девчонка в истерике, глаза полны влаги.

– Тогда докажи!!! Докажи!!!

Чувствую как ком в горле перекрывает дыхание. Как черт возьми я должна это сделать? Осматриваюсь по сторонам. Да, то что нужно. Надеюсь, обойдётся без заражения. Трясущими пальцами подбираю с земли осколок. Его глаза загораются тем же бешеным огнём. С блаженным видом вывожу на запястье букву И. Итан начинает поглаживать карман брюк...

О Боже, Энн, я лучше сдохну, чем сделаю это. Я сошла с ума или действительно слышу её «прорвёмся»? Вздрагиваю, ощутив ледяное прикосновение к своей руке. Внезапно где-то над головой раздаётся хлопанье крыльев, перемежающиеся с гоготанием. Разъяренная, невесть

откуда взявшаяся казарка, грузно пикирует, норовя ударить Итана в голову. Итан отшатывается, закрывает лицо руками и падает.

Я бегу к машине, пока Итан сражается с уткой. И снова мне улыбается удача – ключи торчат в замке зажигания. Плюхнувшись на сидение, я бью по газам; Итан бежит за машиной; встреча с уткой не прошла для него бесследно – из рассеченной брови сочится кровь.

Спасибо, Энн.

«Если я выгляжу как утка, переваливаюсь, как утка и крикаю, как утка то скорее всего я и есть утка». Именно эти слова ты сказала мне незадолго до смерти, раскачиваясь со стороны в сторону на больничной койке.

– Софи, все в порядке?

Я набрала Хлою ровно пять минут назад. Ровно пять минут назад мои зубы перестали стучать, как башмаки степистов, а бутылка «Jack Daniel's» опустела. Мой язык едва ворочается, но тем не менее я в подробностях описываю события вечера.

– Ты заявила в полицию?

Я мычу нечто невразумительное.

– Софи, ты не можешь это так оставить...

– Слушай сюда, – отвечаю я и меня передергивает от стали в голосе. Похоже, я выпила лишку и от того все чувства притупились. – Это ты подсунула мне этого кретина. Но я не пойду в полицию, не хочу чтобы он знал, что единственный кто клюнул на меня за последние два года псих-извращенец!

– О Боже, Софи, вы уже два года в разводе, какая разница что он подумает?

Я вздыхаю. По моим щекам льются горячие слезы. Как хорошо, что Хло не может меня видеть.

– Ладно, Софи, как знаешь. Завтра вечером я вернусь в город мы с Диком найдём этого придурка. Будь уверена, он к тебе больше не сунется.

«Милая Энн, я не жива ни мертва после того как ты покинула нас. Если рай существует ты, конечно, в раю. И мне стыдно, что я так эгоистично желаю тебя вернуть. Иногда я ощущаю твоё незримое присутствие рядом. Порой я думаю, что ты стала моим Ангелом. О, это единственная мысль, которая позволяет мне дышать. Папа очень скучает по тебе, Энн. А Хло так и не отошла, хоть избегает говорить об этом. Они знают, что моя боль нескончаема, и прёт со всех щелей моей располовиненной души. Скоро день благодарения, но я не желаю возвращаться в родительский дом куда ты больше не вернёшься никогда...»

Я не люблю возвращаться в Бруклин. В частности потому, что мне так и не удалось справиться с гефирофобией (*боязнь мостов). Ещё одна причина – смерть Энн. Мне невыносимо думать о том что её прах лежит под пудом земли в Грин-Вуде.

Часовня, в которой мы с Энн молились после смерти мамы больше не утешает меня, хотя приезжая навестить их, я молюсь усерднее, чем прежде.

Размышляя о бренности бытия я шагнула на мягкий ковёр травы, покрытый пожелтевшими листьями догорающей осени. Когда мы с энн были маленькими нам всегда казалось что сойдя с вымощенных кладбищенских дорожек мы можем провалиться под землю или, того хуже, из под земли высунутся сгнившие костлявые руки и схватят нас за лодыжки. Никто из нас не знал что через двадцать с лишним лет одна девочка придёт сюда к другой и её больше не будут беспокоить зомби.

Две могилы самых близких мне людей находились рядом. Изначально предполагалось что второе место займёт отец, когда придёт его время, но судьба распорядилась иначе.

«Кейт Райт. 1965-2010»

И просто «Энн»

Ниже Эпитафия на латыни написанная округлыми буквами с уклоном вправо не дрогнувшей рукой гравировщика:

«Tu, Domine Deus eam et invenisti eam, fidelis in conspectu te²». Я стою и шепчу вам что-то, а ветер осушает слезы, оставляя лишь чёрные бороздки на щеках.

Позади раздаётся какой-то чавкающий звук. Я вздрагиваю словно кто-то вдруг ворвался в моё пространство и нарушил молчание в зале скорби.

– Простите, мисс, вы обронили?

Незнакомец в широкополой шляпе, почти скрывающей лицо протягивает мне пачку «l@m».

Я качаю головой.

Он просит прощения поправляет шляпу и бормочет что-то себе под нос, краем уха слышу обрывок фразы :

– Хватить глазеть на могилу, пора возвращаться, Никки...

Мой взгляд перебегает со странно одетого незнакомца (впрочем, разве странно увидеть туриста в Грин-Вуде?) на могильную плиту у его ног.

«Никку Роджерсу от вечно скорбящего М. Броуди. Только те, кто предпринимают абсурдные попытки, смогут достичь невозможного.»

² Ты Сам, Господи Боже, избрал её, и нашел сердце её верным пред Тобой

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ: «ФОТО НА ПАМЯТЬ»

Внутри старого армейского цинка, где когда-то хранили боеприпасы, лежал чемодан. Закурив, я присел на корточки, изучая подарок Ника. Солнечный луч, проникший в пустоту квартиры, замер на шершавой поверхности кейса в нетерпении, пытаюсь проникнуть внутрь раньше меня. Вернувшись с ножом я перетащил находку в туалет и занялся растяжкой, о которой говорил Ник.

Чугунная ванна, куда я осторожно положил чемодан, особого доверия не внушала. Аккуратно отогнув проволоку, подцепил ее кончиком ножа, и прижав к хромированной ручке, надавил сверху.

"Дзыньк!"

Простецкая ловушка казалась обезвреженной, но мало ли что? Стряхнув пепел в унитаз, и готовый в любой момент рвануть из уборной я осторожно ощупал запорный механизм. Собравшись с мыслями и вдохнув поглубже, сорвал замки и чуть приоткрыл створку. Медленно потянул крышку вверх, чувствуя, как по спине ручьями бежит холодный пот. Я не испытывал ничего подобного с тех пор, как впервые вышел на ринг. Сев подле чемодана, я закрыл глаза, предавшись воспоминаниям.

Я вспомнил о подполье. У старика Бакстера под ткацкой богадельней был подвал, где по вечерам устраивали бои. Каждый, желавший подзаработать или выпустить пар мог принять участие. Тем, кто умел махать кулаками, везло уйти с набитыми карманами, менее удачливые после срачивали кости.

Бакстер – тот ещё жлоб – смог неплохо навариться на подпольных боях, прежде чем об этом прознали люди Джованни и быстренько прибрали дело к рукам.

Здесь, в подполье была развита своя собственная сеть торгов и ставок, где простые работы, и уличное ворье становились равными – человеческим мясом. Подпольный Бруклин не отличался от древнего Рима ни подлостью, ни жестокостью.

Кровавый спорт принес свои плоды, подпольные клубы росли, как грибы.

Мы едва сводили концы с концами; отец пахал с утра до ночи, чтобы прокормить нас с Тарой. Я же решил пойти коротким путем.

Я отчетливо помнил свой первый бой, помнил четко очерченный квадрат пять на пять, и крики толпы. Кто-то с пеной у рта кричал о сгоревшей ставке, кто-то плясал от радости, сорвав свой куш.

На темных лошадох редко ставят большие деньги, но мне повезло. Свой первый бой я выиграл за десять секунд. Под оглушительные вопли, моего противника утащили за ноги с ринга.

Усатый коротышка в шляпе-котелке всучил мне скомканные банкноты, панибратски хлопнул по спине и исчез в толпе, жаждущей новых зрелищ.

Никогда не знаешь, что выкинет рулетка при новой ставке. Следующий оказался высоким и тощим, словно жердь, парень по имени Майк. На ногах от стоял скверно, но смог уложить пятерых, и имел все шансы стать королем ринга. Я не имел ничего, я вышел на бой во второй раз и апперкот-кувалду все давным-давно позабыли.

Увернувшись от бокового, я нырнул под руку противника и на полной скорости снес его мощным ударом в печень. Дрались мы без перчаток, чтобы ни у кого не возникло мысли о гайках или любых других железяках, спрятанных внутри. Майк охнул и прогнулся, но я не оставил ему шансов. Развернув корпус, я нанес удар в ту же точку и Майк рухнул на пол.

– Один! – закричал рефери. – Два!

– Мать твою, вставай, кретин, я на тебя деньги поставил! – Рычал красный от злости джентльмен в черной жилетке. Свою ставку он проиграл. Майк не встал. Когда его тащили прочь, я впервые осознал, что мой удар мог оказаться смертельным. Да, тогда я осознал ценность человеческой жизни.

Но я не перестал драться – Я дрался как сумасшедший, побеждая бой за боем. Содранные костяшки постоянно кровоточили. Тара молча обматывала мои коряги бинтами. Я вспоминаю ее, злую, поджавшую губы, с пристальным осуждающим взглядом.

«Я знаю, чем ты занимаешься по ночам, братец...»

Отец делал вид, что не знает, где я пропадаю ночами.

Мне хотелось верить, что он не задаёт вопросов вовсе не потому, что последний год напивался до бессознательности; со временем он забыл о моем существовании. Только Тара, невероятно похожая на мать, была его отдушиной.

Вскоре ставки возросли, меня заметили – стоит отдать должное Билли. Его уроки на заброшенном пустыре ткацкой фабрики не прошли даром. Я мог бы драться и по сей день, но однажды я положил конец кровавым деньгам.

Последний бой я помнил так же отчетливо, как и первый. Против меня вышел низкорослый коренастый мексиканец. Его нос давным-давно превратился в расплюснутую картошку, а левый глаз постоянно косил в сторону.

– Посмотрите-ка на Бродди! – завершал усатый карлик, распаяя толпу, – похоже он преуспел в отжиманиях!

При этом он хватил меня за руку и попытался сжать бицепс. Впрочем, этот цирк только нервировал публику, всем хотелось поскорее увидеть кровь и получить прибыль.

Я не дрался ради куража. Перед каждым боем я представлял Тару. Все, что я делал, я делал ради нее. НО Таре не нужны были эти деньги. Она жила другой религией.

Она верила в то, что большие деньги не достаются профанам, верила в мозоли на руках отца, она привыкла думать, что лучше быть честным работягой, чем опуститься до уровня, на котором я вышибал дух из противников в подвале Бакстера.

Это был грязный бой. Пару раз я получил локтем по ребрам, и плевал кровью; это было обычным делом – по такому пустяку никто и не думал останавливать поединок. Тогда мне казалось, если кто-то из нас ляжет, толпа опустит большие пальцы, а ставки на смерть возрастут до небес.

Поймав руку соперника, я пригнулся и вложил в удар все силы. Он рухнул, но тут же встал, как будто пропустил удар в челюсть не от меня, а от зубной феи. Он встал еще дважды; шатался из стороны в сторону, но сдаваться и не думал. Все реже его удары достигали цели, все ниже опускались руки. Наконец я свалил его на пол, и пошатнувшись, грохнулся рядом. Я не слышал гогота толпы, все, что занимало меня в тот момент – желание победить. За этот бой мне сулили две сотни баксов.

Мексиканец перевернулся на бок и сел на счет восемь. В голове гремели отбойные молотки, в правом боку при вдохе я чувствовал резкую боль. Мои руки обратились в камень.

«Последний удар, и он рухнет, Мэт» – твердил я себе, вставая в стойку.

Всего удар отделял меня от победы.

Он бросился на меня точно раненый зверь, но вместо ярости я увидел в его глазах нечто такое, от чего мне дурно до сих пор.

И все же я ударил.

Получив причитающееся после боя, вкуче с трещиной в ребрах, я заметил в толпе своего соперника. Он весь содрогался, размазывая слезы по залитому кровью лицу. Никто не обращал на него внимания, все были заняты новым поединком.

– Эй, – тронув его за плечо, я удивился, не узнав собственный голос. Меня до сих пор мутило, а перед глазами плясали разноцветные круги. – Хороший бой.

Он посмотрел на меня и затрясся. И тут я все понял. Мне хватило одного взгляда – глаза в глаза, чтобы наконец все осознать. Он пришел сюда по той же причине, что и я. Он бился ради своей семьи.

– Моя Алессандра ждет ребенка, гринго.

Он говорил и я слушал, я не проронил ни слова, и долго не думал. Мой выигрыш мы разделили пополам.

Вернувшись домой я ничего не сказал Таре. По своему обыкновению, она ворчала.

– Я что, похожа на швею, чтобы нашивать заплатки на своём братце?

– Я больше не вернусь туда, – просипел я, облизывая окровавленные губы.

В тот момент как мне показалось, она все поняла – по её щекам текли горячие слезы, и вздохнув, она спрятала лицо на моей груди.

В чемодане оказалась целая кипа каких-то бумаг и засаленных папок; под ними я обнаружил простецкую растяжку и черный футляр с наживленной к крышке гранатой.

– Ну дела, – пробормотал я, аккуратно высвобождая взрывчатку из проволочной петли.

Возвратив усики гранатного кольца в стандартное положение, я повертел ее в руках, и положил в раковину.

«Пригодится».

Я решил начать с письма.

«Мэтью... (Черт, не знаю, как начать это письмо, а начинаю я, к слову, уже в третий раз.) Прости за сюрприз под крышкой, сам понимаешь почему это необходимо.

Мэтью, в чемодане ты найдешь все чертежи, по лекалам можно собрать новую установку, называть ее «машиной для переноса во времени и пространстве» у меня все еще язык не поворачивается.

Могу лишь сказать одно – все связано, и ты пришел ко мне не случайно. Я ждал тебя. Я побывал в будущем, и видел свою могилу. Если мне удастся – я изменю его, но если нет – тогда я хочу быть уверен, что устройство в надёжных руках. Навряд ли ты сможешь самостоятельно собрать установку, однако я верю, что однажды моё изобретение окажется в хороших руках.

Не здесь, не сейчас, но придет время... Со временем ты все поймешь. Я верю, что ты открыл не ящик Пандоры, а дверь к новым горизонтам, для всех нас. Если кто и может со всем этим справиться, так это ты, Мэтью.

Твой друг Ник Роджерс»

Я отложил письмо в сторону, просмотрел несколько папок с чертежами и многоэтажными формулами, но так ничего не понял. Разобрать ученую писанину мне было не по силам. Все это больше смахивало на горячечный бред сумасшедшего. Я не был тверд в вере, а уж загадочным цифрам и уравнениям доверял еще меньше, но в одном я был точно уверен. Ник не из тех людей, кто стал бы так шутить. Возможно он и кажется странным, вот только я знал его со школы, и если уж он всучил мне эту ношу с растяжкой и чуть ли не завещанием – дело дрянь.

– Во что же ты втянут, старик? В какое дерьмо ты вляпался? – пробормотал я, хмуро взирая на кучу бумаг.

Внимание привлек квадратный клочок бумаги на белом кафеле. Похоже выпал с одной из папок. На белом обороте ручкой нацарапана дата – 04-24-2019

«Что за чертовщина?»

В следующий миг я едва не проглотил сигарету. С открытки на меня смотрела красивая молодая женщина. Волнистые светлые волосы, жидким золотом ниспадали на острые плечи. Ее пронзительные глаза цвета морской волны, смотрели на меня с неприкрытой нежностью, любовью, о которой пишут в книгах; они лучились счастьем. Полные чувственные губы застыли в опаляющей сердце улыбке.

Рядом с ней был я. Мэтью Броуди собственной персоной, не постаревший ни на миг. С извечно взлохмаченной шевелюрой, с придурковато влюбленным взглядом...

Несомненно, это был я; вот только подобного выражения на собственной физиономии я даже не представлял. Оседая на пол, я ткнулся затылком в раковину и застыл, не в силах отвести взгляд от фотографии. Странная на ощупь, словно из другого мира, и если верить дате на обороте – так оно и было.

От свалившейся на меня информации кружилась голова. Я чувствовал себя абсолютным дураком, так и не осознавшим, что фокус уже закончился. Тлеющая сигарета обожгла пальцы, вырвав из оцепенения. Созерцая фото из будущего – по крайней мере так гласила дата на обороте – я отвлекся, напрочь позабыв о загадочном футляре, что ждал своего часа в недрах чемодана.

ГЛАВА ПЯТАЯ: «ДЕНЬ БЛАГОДАРЕНИЯ»

В день благодарения в дом нашего отца по традиции съехались родственники – Таня, вторая жена покойного дядюшки Вильяма, Бекки и Роберта – кузины из Миннеаполиса, дядюшка Гарри со своей женой Джудит и тройняшками Ширли, Авой и Беном, Тони (внучатый племянник сестры Вильяма, как говорит Таня – седьмая вода на киселе) и, конечно, Хло с Диком.

Хло, в ужасном платье-мини канареечного цвета и накинутом на плечи пальто, выпорхнула из машины и, заметив меня, потупилась. Это была наша первая встреча после случая с Итаном. Наконец она нерешительно двинулась ко мне, шевеля губами, но я не позволила ей оправдываться.

– Не здесь, – прошипела я ей на ухо и схватив под локоть, буквально поволокла в холл.

Никому не было до нас дела. Дети носились по дому за игрушечным щенком, кузины щебетали, поглядывая на Тони, а сам парень скромно сидел в углу, уткнувшись в смартфон.

Таня зачем-то притащила портрет Энн, перевязала его чёрной лентой, поставила перед ним стакан с вином, а сверху накрыла хлебом.

Проследив за направлением моего взгляда, Хло схватила меня за руку :

– Нет, Софи!

Я прищурилась. Во мне клокотала ярость.

– Ей бы это не понравилось. – Сказала я сухо. – Я не позволю Тане создавать здесь цирк.

– Софи, – взмолилась Хлоя, – она не создаёт цирк. Она поминает Энн, так как до этого поминала дядюшку Вильяма. Это традиция её народа.

– Энн не нравилась эта традиция.

– Энн поняла бы её, Софи.

Я закрыла лицо руками; напряжение, вызванное услужливой памятью прошлось волнами по моему телу.

После смерти Энн стала неприкосновенной. Я никому не позволяла запускать щупальца в свою канопу, (*канопа погребальная урна для хранения внутренностей умершего), никому не позволяла оскорблять память Энн дурацкими ритуалами. Я не задумывалась о том, что моё навязчивое желание уберечь ее от судачеств и пустых вздохов по поводу ранней смерти превратилось в шизофрению.

– Софи? – Хлоя коснулась моего плеча и вывела из оцепенения. – Дик навёл справки – Итан покинул город. Он не обратился в полицию по поводу угнанной машины и вообще...

– Хорошо, Хло. – Ответила я, сглотив колючего ежа в глотке. Я поцеловала её в щеку и поднялась наверх. Мне хотелось остаться в одиночестве.

Твоя комната, Энн, всегда закрыта. Ни отец, ни Хло не решаются заходить в неё, да и я сама по правде сказать, вздрагиваю каждый раз, когда оказываюсь там. Все вещи нетронуты, все фото на своих местах.

Я пересматриваю их каждый раз и в эти моменты чувствую, что ты рядом. Ты никуда не ушла, просто перестала быть осязаемой.

Здесь нам пять. Мы с тобой задуваем свечи на трёхъярусном торте с Минни Маус. Здесь пятнадцать – это фото было сделано в последний день нашего пребывания в лагере. Знаешь, я до сих пор помню свою необъяснимую нервозность.

Мы катились по мосту, вы с Джеком Гирном распевали непристойные песенки, а я вдруг оцепенела, я ещё не знала что произойдёт, но в следующую минуту раздался оглушающий грохот – мне показалось что рядом взлетает самолёт – и я увидела, как разломилось дорожное полотно и машины полетели в воду. Люди выбегали с автомобилями и бежали, а когда наш автобус повис на обломках арматуры ты схватила меня за руку и прошептала «о Боже», стала рьяно

молиться. Ты, наверное, не видела, как вспыхнул бензовоз и загорелся трейлер поблизости, закрыв глаза ты молилась, молилась так неистово, словно этим могла спасти нас. И ты спасла, Энн. Я уверена, только твоя молитва уберегла нас. И после эвакуации ты, белая, как фарфор, улыбнулась дрожащими губами.

– Я никогда не оставлю тебя, Софи.

Почему ты сказала эти слова? Неужели предчувствовала что-то?

Последнее наше общее фото сделано в твоей палате. Две одинаковые девушки, одна отражение другой, с одним отличием – на моей голове есть волосы. Ты уже знала что умрёшь, но приняла это известие стойко, как боец.

Скажи мне, Энн, как так получилось, что умирала ты одна, а не стало нас обеих ?

Находиться в доме отца для меня невыносимо. В этом крошечном мире все пропахло завуалированной болью. Поэтому в

Статен-Айленд я отправляюсь раньше, чем Таня выпьет последнюю рюмку.

Дорога занимает чуть больше часа. В начале десятого мой автомобиль тормозит у местного супермаркета. Я теперь не придерживаюсь диеты, поэтому могу побаловать себя чипсами. Продавец невероятно медлителен. Наконец он протягивает мне сдачу и произносит с сильным акцентом:

–М-ээм, что-о-о то-от тип де-л-ает у ва-ашей МА-шины?

Я оборачиваюсь, выхватываю взглядом жидкий, поросший светлой щетиной подбородок и чувствуя как подкашиваются ноги, наваливаюсь на стойку; Мне хватает доли секунды, чтобы сориентироваться. Трясущимися пальцами ищу номер Хло в своём смартфоне.

– Слушаю.

– Хлоя, он здесь. Этот чёртов придурок здесь! – яростно шепчу в трубку.

– О Боже! Где ты, Софи?

Быстро объясняю; продавец косится недоуменным взглядом, вероятно его знание языка не позволяет меня понять.

– Никуда не уезжай, – говорит Хло. – Мы с Диком сейчас приедем.

Я вздыхаю с облегчением.

Продавец глядит в упор. Вывеска на дверях гласит – магазин закроется через 40 минут, и тогда ты, Софи, снова останешься наедине с Итаном Кларком.

Спрашиваю готовят ли здесь кофе. Продавец качает головой, но на ломанном английском говорит, что может сделать мне растворимый за десять баксов. Я киваю. Я бы согласилась даже на воду из под крана.

Время тянется медленно и вот пластиковый стаканчик в моей руке опустел. Продавец поглядывает на часы, а я присосла к стойке и напряжённо гляжу сквозь стеклянную дверь.

– Че-ез пять минут я-а за-акрою ма-агизин, мэ-ем.

Смартфон отзывается в кармане виброзвонком. Наконец-то!

По взволнованному голосу Хло понимаю – ничего хорошего не жди. В бесконечном лепете отчётливо слышу слова «авария», «все в порядке», и «вызови полицию». Вызвать полицию в данном случае гораздо разумнее, но когда дело касается бывшего мужа я веду себя, как идиотка. Не могу позволить ему обсасывать произошедшее со своей шлюхой.

Вылетаю с магазина и пока продавец закрывает дверь осматриваю шины. Так и есть, из бокового прокола, негромко шипя, выходит воздух.

Прикидываю в уме смогу ли доехать до ближайшей заправки. Оттуда я вызову эвакуатор и позвоню кому-нибудь, да хотя бы Вивьен, с просьбой отвезти меня домой. Хотя нет, пожалуй в гостиную. Появляться дома может быть опасно.

Завожу машину и трогаюсь с места одновременно с подержанным фордом продавца супермаркета. В потоке машин несколько раз замечаю красный джип. Пропуская на светофоре

потрепанный седан, он вклинивается в мою полосу и быстро догоняет. Слепит дальним и норовит подобраться поближе, пытаясь столкнуть с дороги. Мощный дизельный движок дико рычит под массивным капотом со смятой решеткой радиатора. Но здесь, на трассе, среди тысяч ползущих автомобилей мне не страшно. Здесь Итан до меня не доберётся.

Всё происходит так, как я планировала. Без приключений. Если конечно не считать приключением в задницу пьяную Вивьен на пассажирском сидении её минивена. Парень Виви очень любезно соглашается подбросить меня до ближайшего отеля.

Джип не отстаёт. Размышляю о том, что Хло права. Единственный способ избавиться от Итана – отнести заявление в полицию. Плевать на Макса, я уже не старшекласница, и способна вынести его смешки. К тому же мне грозит нечто пострашнее сплетен

Выудив на свет черный футляр, я достал оттуда странный предмет, чем-то отдаленно напоминающий карандаш. Миниатюрный цилиндр из голубоватого металла, легкий и гладкий. В верхней части устройства располагалась кнопка-таблетка, справа и слева шли ряды кнопок и тумблеров, о назначении которых я не догадывался. Из приложенной инструкции я мало что понял, кроме пары фраз : «Устройство для переноса сквозь...» и «успешная калибровка».

Я сел, разглядывая загадочный пульт. Определенно Ник здорово потрудился чтобы создать такое. Устройство, как и фото, внушал трепет.

«Неужели я тоже побываю в будущем?»

Косвенно я понимал, что так оно и есть, а странная фотокарточка лишь свидетельствовала в пользу моей теории. Ник не стал бы врать и кривить душой. Он доверился старому другу, но как оправдать его доверие?

От осознания свалившейся на голову информации меня прошиб ледяной пот. Если эта штука попадет не в те руки... от созерцания объятых пламенем мира меня отвлекло негромкое пиканье. Устройство завибрировало. Отчаянно борясь с желанием сложить все обратно в ящик и кинуть туда гранату, я взирал на пляску голубых искр в воздухе вокруг устройства. Моя рука словно срослась с удивительным механизмом, а большой палец сам собой вдавил круглую кнопку.

В тот же миг невыносимый гул заставил меня сцепить зубы. Реальность перед глазами дернулась шторой, закрутилась волчком и рассыпалась мелкой крошкой, точно Бруклин, в котором я жил, был сделан из фарфора. От жуткого свиста закладывало уши, молочно-белая дымка окутала меня, скрывая все вокруг. Я почувствовал, как тело само собой оторвалось от земли, сделалось невесомым, не значимым. Я стал пушинкой, со скоростью пули летящей сквозь время и пространство в неизвестность.

Средь грохота отбойных молотков и ярких вспышек, проявилась кирпичная стена, а затем меня вышвырнуло из потока. Я рухнул навзничь, оказавшись в каком-то грязном переулке. Меня мучило, но я смог сдержать тошноту, сглотнув едкий ком в горле. Мое тело отчаянно сопротивлялось новой реалии, казалось, будто костям тесно в живой оболочке. Я зажмурился и сцепил зубы от страшной боли, сотрясшей каждую клеточку тела. Новая реальность врезалась в меня подобно поезду, смяла, переломала, проглотила и изрыгнула наружу.

Стоя на коленях в сером от грязи снегу, я оглядывался по сторонам. Определённо, это был Нью Йорк; я по-прежнему находился в Бруклине, вот только этот Бруклин был другим. Я с трудом узнал здание заводской фабрики, где когда-то производили лампы уличного освещения. Вместо него вырос гигант-небоскреб, упираясь плоской кроной в хмурые облака. Вниз по улице промчался серебристый автомобиль даже отдаленно не похожий на творения Генри Форда.

Неужели получилось?

Я сидел на снегу и смотрел то на руки, то на мир вокруг и не спешил покидать убежище. Меня охватил самый настоящий страх.

А что, если эта штука, намертво зажатая в кулаке, открывает врата лишь в одну сторону? Я так и не удосужился прочитать инструкцию Ника полностью. А про то, чтобы бездумно тыкать на кнопки не могло быть и речи; я очень явно представил, как одна половина Мэтью Броуди материализуется перед редакцией Вестника – желательна верхняя – а все, что осталось, оказывается где-нибудь на Луне или Бог знает в каком времени. От подобного каламбура меня затрясло в равной степени, как от смеха так и от страха.

Отряхиваясь я поднялся, прошел по стене до поворота и заглянул за угол

ГЛАВА ШЕСТАЯ: «ЛОВУШКА»

– До свидания, мисс Райт.

– Хорошего дня, офицер.

Чувствую, как внутри меня рухнул барьер! Я это сделала! Я заявила в полицию; надеюсь, Итан больше не потревожит меня.

– Софи! Софи, стой! – Макс догоняет меня на стоянке. И мне требуется сделать усилие, чтобы выглядеть невозмутимо.

– Добрый день, инспектор.

– Что произошло?

О, он выглядит озабоченным. Я хорошо знаю этот взгляд. Ему снова что-то нужно. Навешиваю на лицо свою самую дежурную улыбку:

– Всё в порядке, инспектор.

– Послушай, Софи, я знаю что наш развод причинил тебе боль, но ты всегда можешь положиться на меня.

Я улыбаюсь уголками рта. Я больше не слушаю его. Мои уши запечатаны воском. Но я вижу его глаза. Холодный расчетливый взгляд.

– Послушай, Софи, нужно уладить этот вопрос. Я не хочу оставаться врагами.

Ну же, ближе к делу.

– Саманту отчисляют из колледжа. Ты ведь хорошо знакома с мистером О'ширли. Поговори с ним.

Я выдыхаю. Ну, наконец-то. Не прошло и пятнадцати минут.

– Будь уверен, она вылетит с треском.– Отталкиваю Макса плечом и сажусь за руль авто. Его ярость буквально обожгла меня. Руки дрожат. Ладони влажные, но в груди разливается тёплое озеро. Я свободна. Макс больше не вызывает во мне катаклизмы. Он уходит, а я продолжаю сидеть не двигаясь. Тишину нарушает звонок.

– Софи? Это Анжела. Анжела Диккенс.

– Анжела? – вздрагиваю, словно услышала призрака.

– Нам нужно встретиться. Это очень важно.

– Что-то случилось?

– Я должна вернуть тебе одну вещь. Энн оставила её перед смертью. Приезжай в Бруклин. Я буду ждать тебя у старых доков.

– В Браунсвилл? Почему в Браунсвилл?

– Софи, я умираю. Не знаю сколько времени у меня осталось.

– Хорошо.

– Я буду ждать тебя в семь. Не опаздывай.

Я почти не помнила Анжелу Диккенс. Темнокожая высокая девушка в намотанном платке на бритую голову. Они с Энн сдружились. Мечтали выздороветь и поехать в Париж. Тогда мы все ещё верили, что это возможно. А папа шутил, что купит Энн эйфелевую башню. Какую вещь Энн оставила Анжеле? Я догадываюсь, хоть и не уверена наверняка.

Перебирая в голове события того печального времени я забила в навигатор названный Анжелой адрес и выехала в Бруклин.

Я ползла на своём авто в общей колонне машин, и время от времени поглядывала на часы. Вывески магазинов призывно горели и мне показалось дурным тоном прийти с пустыми руками. Припарковавшись, я выползла с машины, ощущая себя совершенно разбитой, и направилась в сувенирную лавку. Я хотела купить что-то особенное.

Когда я добралась, Браунсвилл утопал в сумерках. На улицах слышался смех обкуренных подростков, две женщины на питкин стрит вцепились друг другу в волосы.

Репутация Браунсвилла подсказывала – чем меньше времени я проведу здесь, тем выше вероятность, что какой-нибудь афроамериканец не отберёт мой кошелёк. Я лишь заберу у Анжелы то, что принадлежало Энн и немедленно уеду. Навещу отца и, так и быть, останусь сегодня на ночь.

Навигатор привёл меня в странное место. Здание напомнило мне заброшенный полицейский участок. В кармане снова затрещивал мобильник.

– Слушаю.

Анжела говорила быстро и сбивчиво. Но суть я уловила. Я опоздала, а она не могла ждать меня и оставила коробку на ступеньках. «забери её и уезжай»

Бросила она и положила трубку. Я даже не успела сказать ей ничего из тех банальных фраз, которые обычно говорят тяжело больным напоследок.

Я вышла с машины, не заглушив мотор и поднялась по ступенькам. Коробка оказалась не маленькой. Честно говоря я даже испугалась, что не смогу поднять её.

Я протянула руки и подняла коробку, мне даже в голову не пришло посмотреть что в ней здесь, посреди пустоты неблагополучного района. Коробка оказалась легче, чем я изначально думала. Что-то гремело в ней.

Я спускалась медленно и осторожно, как вдруг где-то совсем рядом раздался взрыв, от испуга я вскрикнула, нога подвернулась и коробка выпала из рук. Из коробки на асфальт посыпались кости...

– Эй, Софи! – Окрикнула меня «Анжела» и я обернулась.

В следующую секунду произошло сразу несколько вещей – я увидела бледное лицо ухмыляющегося Итана и получила в лицо струю перцового газа. А потом он ударил в живот и заговорил голосом Анжелы. Голосом, который, как я думала принадлежал Анжеле.

– Я выкопал его для тебя. Ты должна радоваться, что познакомилась с ним.

Он обхватил меня за талию и потащил куда-то, а я задыхалась от слезоточивого.

– Не дури, Итан! – проговорила я, когда он повалил меня лицом вниз и стал связывать руки. – Я была в полиции...

Его лающий смех прозвучал у самого уха.

– О, я знаю! У тебя под сиденьем GPS-трекер, Софи.

Притворяться больше нет смысла.

– Ты придурок, просто придурок. Сделай со мной что-нибудь и тебя посадят.

– Безусловно.

Я почувствовала как он разрезает на мне куртку. Обнажённой шеи коснулась сталь.

– Ещё не поздно, Итан, остановись и я обещаю... я... заберу заявление.

– Прекрати называть меня Итаном! – проорал он, и я почувствовала, как он надавил на нож. – Глупая девчонка... ты не узнала меня! Да я и сам не узнаю себя. Я больше не прыщавый, видишь? Я не прыщавый! Смотри на меня! – он рывком поднял меня за волосы и заставил сесть на землю. И я смотрела обожженными невидящими глазами в ту точку, откуда доносится голос.

– Я расскажу тебе историю. Ты же любишь истории?

Жил-был мальчик по имени Боб Спенсер. Никому не было до него дела, отец закладывал за воротник, шлюха-мать оставила их, когда мальчик был совсем маленьким. Он рос замкнутым и болезненным. У него не было интересов, он не играл с друзьями в бейсбол. Он ненавидел весь мир, кроме, пожалуй, Энн Райт... – Его пальцы скользили по моему лицу, холодные и липкие, как мерзкие жирные личинки.

– Однажды она осталась после уроков. Я влез на стол и поглядывал за ней в окно над дверью класса миссис Смит. Тогда это случилось впервые. Я приспустил в штаны. Это было непередаваемо. С тех пор я следил за ней каждый день, и натирал свою шишку, глядя как она заливается от смеха или ест, или читает учебник по биологии. Так продолжалось несколько месяцев, а потом старый козёл Браун застукал меня за тем, как я наяриваю в спортзале, наблюдая взмыленную после бега Энн. Энн влепила мне пощёчину, при всей школе обзвав меня прыщавым озабоченным уродом. Я переживал. На фоне своих переживаний я перестал испытывать возбуждение и стал фактически импотентом... с каждым днем я все больше убеждался в том, что Энн Райт сучка. Я возненавидел её. Как-то раз я сидел в своём убежище и фантазировал, как вырезал бы ей её поганый язык и в тот миг – о чудо – он снова восстал. Кем я был тогда? Что мне оставалось, кроме как представлять себе её мучения, обрекая себя на слабую агонию? Так прошло несколько лет. Я окреп и вырос. Я пытался интересоваться другими женщинами, но никто не вставлял меня кроме твоей сестрицы. Я планировал убить её, месяцами продумывал план, но не успел. Она сыграла в ящик прежде, чем я успел насладиться ужасом на её лице. Я страдал. А потом – поразительное везение – я увидел тебя... сперва ты никак не возбудила меня. Я всегда знал, что у Энн есть сестра-близнец, и эта мысль никак не согревала меня ни до ни после моего позора. Но после смерти Энн все изменилось. Я следил за тобой, и удача снова улыбнулась мне. Пока я размышлял как подобраться к тебе поближе ты сама пришла в мои руки!

Я ощущала ужас. Он замолчал, я услышала как он возится с молнией на брюках и истошно завопила:

– Помогите! Помогите!

Итан с остервенением ударил меня по лицу, но я продолжала кричать, пока он не запихал мне в рот какую-то вонючую тряпку.

Лавина ужаса погребла меня.

День плавно перетекал в вечер, но город и не думал засыпать. С наступлением темноты улицы преобразились. Нью Йорк тонул в зареве рекламных афиш и разноцветье огней. Наблюдая за преобразованием, я вдруг осознал простую истину.

«Я здесь чужой»

Мир, мощным потоком несущий свои безбрежные воды в будущее, был живым организмом, а я лишь занозой под ногтем. В каждом случайном взгляде я чувствовал настороженность, наверное, я ощущал бы тоже самое в попытке слиться со стаей пингвинов, если бы вдруг оказался в Антарктике.

В желудке на все лады гремела и вздыхала пустота, я уже успел порядком замерзнуть и с каждым шагом тяжесть в ногах становилась все больше.

«Куда идти? Что делать?»

Из дверей ювелирной лавки под занавес газовых ламп выпорхнула миниатюрная девушка. Объятая голубым светом фигура показалась мне знакомой. Беспечно озираясь по сторонам, она быстро проскользнула к машине. Не веря своим глазам я полез в нагрудный карман, дрожащие пальцы сжали заветную фотографию. Она ли это? Быть может мой мозг перегорел и в попытке отключиться выдавал желаемое за действительное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.